

УДК 008: 78.01 (316. 772)

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ ИСКУССТВА В АСПЕКТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

Гирфанова А. О.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Украина

В статье, на основе разнообразного фактического материала, доказывается, что искусство это наиболее интересная и продуктивная сфера анализа диалога. Последний рассмотрен как одна из форм существования культуры. Подчеркивается специфика музыкального искусства в данной теме.

Ключевые слова: культура, диалог, М. Бахтин, искусство, музыка, Россия, Германия.

Очевидно, что «Человек» (человечность, человечество...) – это фундаментальная системообразующая основа всей культурологической проблематики. Соответственно – исследование приемов, форм, способов опредмечивания его смыслополагания обуславливает многообразие и разновекторность аналитической практики. Одним из сложившихся её направлений представляется «диалог культур». Следует отметить, что аксиоматичность данного словосочетания не опирается на устойчивый методологический базис. С одной стороны, многозначность дефиниций «культуры» и неустановленность дискурсивных границ «диалога», с другой – являются факторами недоведенности вынесенного в заголовок «аспекта» до уровня понятийно-категориальной строгости. Однако, диалог – как способ существования культуры, обеспечивающий непрерывность её онтологического и морфологического развертывания – присутствует в жизни и социума, и индивида. Более того, диалогичность – сама по себе – удостоверяется взаимообусловленностью двух измерений культуры: в качестве формы трансляции социального опыта (память, традиция) и возможностями социализации личности. Диахронический аспект, или, опора на категорию «время» является бесспорным элементом анализа диалога культур. Поэтому – наиболее репрезентативной в его изучении представляется сфера искусства и – особенно – музыка, как самый «временной» его вид. Аргументирование вышеизложенного – есть **цель** данной работы, актуальность которой (цели) верифицирована «бахтинологией» [см. подробнее: 2,3, 4], а «запрограммирована» автором концепции: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [1, с. 329].

Выделение тезиса «свой»-«чужой» в статусе исходного – закономерно «уводит» в сторону этнокультурологии, изучающей (в соотнесенности с этнопсихологией) стереотипы. Деление последних на «авто-» (как часть национального самопознания: «мы – такие») и «гетеро-» («они – другие», как «вариант» этнической самоидентификации) также образует «диалогическую» пару. «Циркулирование» в пространстве культуры стереотипов о «себе» и «других» – бесспорная данность, изучение которой находится за пределами поставленных в данной статье задач. Однако, в рамках изучения российско-германских «отношений» представляется достаточно репрезентативным следующее: а) одна из первых попыток обобщения этнокультурных особенностей европейцев принадлежит И. Канту (немцы – домовиты, рассудительны, легко переселяются в другие места, излишне педантичны, уступают французам и англичанам в художественном вкусе...; о русских – мельком, т.к. национальный характер не сложился [см. подробнее: 8, с. 565- 572]); б) основательный анализ Э. В. Соколовым («Культурология. Очерк теорий культуры», 1994) книги испанского писателя Сальватора Мадариаги «Англичане, испанцы, французы» (1932), считающейся эталоном этнокультурного «портретирования» позволяет «проделать» аналогичную работу в отношении других этносов; в) блестящее исследование отечественного мыслителя Георгия Гачева «Национальные образы мира» (1995) опирается исключительно на артефакты художественной культуры (кинофильмы, выставки, книги и т.д.). В точке «пересечения» указанных работ образуется весьма перспективный, по нашему мнению, сценарий культурологической «оптики»: из рассуждений И. Канта, никогда не покидавшего пределы Кенигсберга; взгляда «изнутри» дипломата С. Мадариаги «глазами человека», который воочию её (культурную жизнь страны) «не видел» Г. Гачева.

Изучение «диалогических» усилий в культуре на уровне межэтнических и – шире – межнациональных отношений есть бесспорный аргумент в «претензии» диалога на универсальность. Рамки нашей статьи – в подтверждение последнего – заданы рассмотрением фактического разнообразия этих «усилий» (исторически-накопленных между Россией и Германией) в виде своеобразного «сборника кратких рассказов», где в основе сюжетов – судьбы людей: ученых, предпринимателей, государственных деятелей, земледельцев, инженеров, художников, архитекторов, композиторов, мореплавателей, военных, писателей, музыкантов, поэтов и т.д.. В них, на наш взгляд, наиболее характерно отразилось реальное «переплетение» культур. Так, зримыми следами контактов Руси и Германии эпохи Средневековья являются находки произведений немецких мастеров, обнаруженные археологами не только в Европейской части России, но и за Уралом. Водолей в виде рыцаря с драконом – работа маасских мастеров конца XII века – входит в группу западноевропейских изделий, найденные в Западной Сибири. В этом регионе сохранились уникальные вещи, равных которым осталось немного в странах, где они были произведены. Выходцы из Западной Европы, в том числе из немецких земель, проживали в русских городах еще при первых Рюриковичах. В XVI-XVII веках далекая Московия привлекала не только торговцев, но и многочисленных мастеров, специалистов-профессионалов, нанимавшихся в России на хорошо оплачиваемую государственную службу. В середине XVII века указом царя Алексея Михайловича всем, обитавшим в столице иностранцам, для проживания отвели

специальную территорию за границами города, получившую у москвичей название Немецкой слободы. Указы Екатерины II 1762-1763 годов, приглашавшие иностранцев к переселению в Россию, способствовали тому, что «русские немцы» стали неизменной составляющей населения страны.

Политические связи Руси и Германии ранней поры закрепляются в династических браках первых князей – Рюриковичей. Включение России в качестве полноправного субъекта в жизнь европейского континента делало их необходимыми. На протяжении XVIII-XIX веков браки с представителями правящих домов Европы (в первую очередь – германских) стали для династии Романовых традицией. Так, Мария Павловна, дочь императора Павла I, вышла замуж за принца Саксен-Веймарского-Эйзенахского. Великая герцогиня оставалась православной, была другом и покровителем И. В. Гёте и Ф. Шиллера, внесла большой вклад в развитие политических и культурных взаимоотношений. Выдающейся личностью в истории связей России и Германии на рубеже XVIII-XIX веков стал граф Николай Петрович Румянцев, начавший карьеру дипломатическим представителем во Франкфурте-на-Майне. Уникальное книжное собрание Н. Румянцева, в состав которого входили редчайшие немецкие инкунабулы, легло в основу крупнейшей в мире Российской государственной библиотеки (ранее – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). Уместно, на наш взгляд, упоминание о действиях генерала-фельдмаршала Ивана Ивановича Дибича и генерал-лейтенанта Г. Йорка во времена Отечественной войны 1812 года. Несмотря на официальное военное противостояние, прусский генерал после переговоров с И. И. Дибичем подписал 18(20) декабря 1812 года около местечка Тауроген в Ковенской губернии конвенцию о взаимном прекращении военных операций, что означало разрыв союза Пруссии с Францией и создавало условия для успешного наступления русской армии.

С необходимостью подчеркнём, что приведенные выше многочисленные примеры политических отношений – в силу собственной ситуативности – всё же «служат» фоном для более устойчивых, сконцентрированных в сфере искусства. Иными словами, разнообразие форм и видов диалогического взаимодействия живописцев, архитекторов, музыкантов, писателей и т.д. – более репрезентативны в культурологическом анализе: «долговечность» творчества предпочтительней, на наш взгляд, «скоротечности» политики. Примером «проникновения» национального колорита в рамки иной культурной традиции является, по нашему мнению, история возникновения русской деревни Александровки под Потсдамом и императорской резиденции – прусской Александрии – в Петергофе. Идея создания русской деревни, как мемориала политической дружбы между Александром I и Вильгельмом III и «пристанища» солдат-песенников, принадлежала прусскому императору. Образцом послужила деревня Глазово под Павловском, построенная по проекту Карла Росси в «русском стиле». Перед немецкими архитекторами была поставлена задача в мельчайших деталях(!) следовать традициям русского зодчества. К 1827 году построили 14 домов, на обширных земельных участках высадили плодовые деревья из королевских питомников. В 1826 году в присутствии короля заложили православную церковь во имя Святого Благоверного князя Александра Невского. Автор проекта – петербургский архитектор Василий Петрович Стасов. Строительством руководил Карл Фридрих Шинкель, придворный

архитектор короля. В свою очередь, архитектурно-парковый ансамбль «Александрия» в Петергофе стал грандиозным опытом создания ландшафтного ансамбля, своеобразной «Русской Пруссией». Новая императорская резиденция, центр которой – «сельский» дворец Коттедж, явилась местом воплощения «рыцарских» устремлений Николая I: культом «Белой Розы» – его супруги, прусской принцессы Александры Федоровны. В 1837 году Николай I заказал архитектору К. Ф. Шинкелю проект сельской церкви для Александрии. Подчеркнем, что ее освятили (как и построенный храм под Потсдамом) во имя Святого Александра Невского. Готический облик капеллы, поставленной близ моря, напоминал романтические пейзажные полотна немецкого художника К. Фридриха, «открытого» в России благодаря стараниям поэта Василия Андреевича Жуковского. Начатое при Александре I строительство храма Христа Спасителя – в честь победы в Отечественной войне 1812 года – завершилось при императоре Николае I, отдавшем предпочтение русско-византийскому стилю проекта архитектора Константина Тона, немца по происхождению. Обратимся к факту из исторической параллели: с 1815 года И. В. Гёте призывал общество достроить один из древнейших храмов Германии – собор Святого Петра и Богородицы в Кёльне. Оценка готического стиля в статусе национального – привела к возобновлению строительства храма, закончившегося в 1880 году под руководством лучших архитекторов Германии: упоминаемого выше Карла Ф. Шинкеля и Эрнста Цвирнера, чьи работы хранятся в Архиве строительства Кёльнского собора. Данные примеры призваны подчеркнуть, во-первых, особую роль архитектуры в становлении и декларировании «на века» (специфика данного вида искусства) национального самосознания и, во-вторых, репрезентативность процесса проектирования, как «топоса» диалогических (со-творческих) усилий, задаваемого «идеями стиля» конкретного сооружения.

Также, одной из важных составляющих интеллектуального российско-германского диалога, по нашему мнению, является литература. В России неизменной любовью пользовались произведения Ф. Шиллера, «воодушевлявшие» В. Жуковского, М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Герцена, Ф. Тютчева, И. Тургенева, Ф. Достоевского и других. «Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им, и я думаю, что ничего более кстати не сделала судьба в моей жизни, как дала мне узнать великого поэта в такую эпоху моей жизни», – писал Федор Достоевский брату в период своего обучения в Инженерном корпусе (из письма М. М. Достоевскому, 1 января 1840, Петербург [6, с. 25]). Идея Ф. Шиллера сделать искусство средством нравственного воспитания – ввести в литературу героя, живущего под пристальным вниманием совести, ведущего борьбу между долгом и склонностями, разумом и чувственностью – созвучна, по нашему глубокому убеждению, русской мысли об особом предназначении художественного творчества. Особо отметим «диалогические» заслуги Василия Андреевича Жуковского, признанного «посредника» русской и немецкой культур, переводчика и, по собственному признанию, «родителя на Руси немецкого романтизма». В данном контексте необходимо упомянуть и Федора Ивановича Тютчева, чьи связи с немецкой культурой столь же разнообразны, сколь и глубоки: поэт, философ, публицист и дипломат, в течение многих лет представлявший Россию, стал одной из ключевых фигур в межнациональном диалоге; познакомил русского читателя с

творчеством Г. Гейне; первым (в политических статьях, изданных в Германии) твердо и мужественно заявил о равноправии России в исторической жизни Европы. Безусловно, время, проведенное в Германии Н. Гоголем, И. Тургеневым, Ф. Достоевским и другими русскими писателями отразилось в их жизнетворчестве и повлияло на представление русских читателей о немецкой культуре. В свою очередь, к примеру, интерес к произведениям Ф. Достоевского в Германии пробудился в 1880-х годах: немецкий читатель, по словам С. Цвейга, увидел в этом писателе меру собственной глубины, «узнавал» не только о России, но и о себе. Мироззрение и творчество Ф. Достоевского оказало мощное воздействие на таких немецких писателей, как Г. Гауптман, Ф. Ницше, Р. Рильке, Т. Манн, Г. Гессе.

Глубину и насыщенность культурным связям двух стран придали гастроли Московского Художественного театра в 1906 году. Они не только приблизили немцев к пониманию произведений А. Пушкина, Ф. Достоевского, А. Чехова, М. Горького, но и познакомили немецкую публику с национальной театральной школой: русский театр должен вести за границу русскую литературу – это принцип отбора гастрольного репертуара. Некоторые театральные деятели в Москве выражали сомнения относительно восприятия немцами особенностей чеховской драматургии. «Не поймут немцы этой нежной лирики... мечты о какой-то прекрасной жизни...» – с беспокойством писала О. Книппер-Чехова [из письма Маклакову В. А., январь 1906 г.] о предстоящем спектакле «Дядя Ваня». Вопреки «опасениям», немецкие зрители обнаружили глубокое понимание чеховской драматургии с ее проникновением трагического в сферу обыденного и прозаичного.

Революционный поворот в истории начала XX века привел к тому, что Россия, почти два столетия принимавшая немцев, стала страной исхода собственных граждан, находивших приют в Германии. В Берлине сложился своеобразный духовный хронотоп – «Русский Берлин», где проживали более 350 тыс. эмигрантов из России. В столице Германии – в разное время – жили Алексей Толстой, Владимир Набоков, Алексей Ремизов, Андрей Белый, Илья Эренбург, Виктор Шкловский, Борис Пастернак, Владимир Ходасевич, назвавший Берлин «мачехой городов русских». Темой отдельного (за рамками данной статьи) исследования является «жизнетворчество» всемирно известных русских, покинувших родину без политического подтекста: Василий Васильевич Кандинский (1866-1944) и Игорь Федорович Стравинский (1882-1971).

Исторически накопленный фактический материал позволяет, по нашему мнению, анализировать российско-германский культурный диалог как *многоуровневый*. Иными словами, русский «топос» в Германии и немецкий – в России образован «переплетением» человеческих историй: судьбами людей, реализовавших свое жизненное (смысловое) предназначение в искусстве. Каждый вид последнего – есть *уровень* диалогических усилий в культуре, требующий специального рассмотрения. В данном аспекте наиболее, на наш взгляд, репрезентативной является музыка. Специфика этого вида искусства обусловлена, во-первых, необходимостью «посреднической» инстанции в диалоге «композитор – слушатель»: дирижеры, певцы, солисты-инструменталисты и т.д. Подчеркнем, что здесь – в интерпретации «своей» и «чужой» музыки – рождается внутренний диалогический уровень, институтирующий особый круг исследований (в том числе – контекстный культурологический). Во-вторых, потребность «говорения» об

услышанном создает массив литературы, интересной не только музыковедам: эпистолярное наследие, критические статьи, гастрольные «отзвуки» прессы и т.д. Неоднократное пребывание в Германии Михаила Ивановича Глинки, дирижерские выступления на немецких сценах Петра Ильича Чайковского, впечатляющее «место» русской музыки в репертуарах германских оркестров, гастроли Рихарда Вагнера в Москве и Петербурге, любовь российской публики к произведениям Л. Бетховена, музыкально-критическое наследие А. Н. Серова и В. В. Стасова относительно немецкой музыкальной культуры – далеко не полный перечень «событийности» между Россией и Германией только в 19 веке.

Самодостаточность музыки, как формы эстетически-художественного опредмечивания мира – фактор особой репрезентативности музыкально-культурного диалога. Его многоуровневость – в отличие от других видов искусства – проявляется в том, что: «...музыка создает художественно-смысловой диалог; однако проблему диалога ставит мысль о музыке, причем обнаруживая собственную заинтересованность в диалоге и свои возможности intersубъективного – интертекстуального – интердисциплинарного общения» [9, с. 23]. Данная цитата – из монографии Александры Ивановны Самойленко, в которой – на основе диалога смысловых интенций культуры (Память, Игра, Любовь, «... соответствующие сакральному, когнитивному и личностному... началам культуры» [9, с. 7]) и музыкальной поэтики (жанр, композиция, стиль) – обоснована «музыкальная бахтинология» (глава II) и дана ноэтическая типология диалога в музыке (глава III).

В заключение подчеркнем: диалог – универсальный принцип со-существования людей, этносов, наций, государств (в данной работе рассмотренный на примере российско-германских отношений). Его системообразующее начало наиболее репрезентативно в сфере искусства, специфика которого в контексте диалога культур явлена как «метахудожественный слой» последней, образующийся литературными, музыкальными, архитектурными и т.д. образами / «персонифицированными смыслами»: «В известном отношении мета-образы («вечные темы») становятся частью уже не только художественного, но и «жизненного» мира культуры» [9, с. 32]. Вневременная специфика искусства способствует принципиальной, по утверждению М. М. Бахтина, незавершаемости диалога...

Список литературы

1. Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества // 2-е изд.— М.: Искусство, 1986.— С. 328-336
2. Бахтинология. Исследования, переводы, публикации/ Сб-к статей.—Спб.: Алетейя, 1995. – 370 с.
3. Босенко А. Власть времени, или Оставьте М. Бахтина в покое / М. М. Бахтин и перспективы гуманитарных наук: Материалы науч. конференции. – Витебск, 1994. – с. 83-85.
4. Братченко С. Концепция личности: М. Бахтин и психология / С. Братченко // М. Бахтин и философская культура XX века: Проблемы бахтинологии: Сб. науч. ст. – Спб., 1991. – Вып. 1, ч. 1. – С. 66-75
5. Вульф Д. Династия Романовых и Германия. Роль династической солидарности и династических браков в германо-российских отношениях (XVIII — XXвв) /Д. Вульф//— М.: Наука, 2000. — С. 257 – 301
6. Достоевский Ф. М. Письма. В 4-х т/ Ф. М. Достоевский. - Т. 1. – М.-Л.: ГОСЛИТИЗДАТ, 1928. – С. 25
7. Кальницкая Е. Семейный портрет на фонедвух держав / Е.Кальницкая // Диалог культур. — 2010. — № 1. — С. 1-2.
8. Кант И. Сочинения. В 6-ти т. / И. Кант // Под общ.ред. В. Ф. Асмуса и др. – т. 6. –М.: «Мысль», 1966. – 743с.
9. Самойленко А. И. Музыковедение и методология гуманитарного знания. Проблема диалога: Монография / Александра Самойленко. – Одесса: Астропринт, 2002. – 244 с.
10. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. — М.: Наука, 1998. - С. 234-256

Гірфанова Г. О. Репрезентативність мистецтва в аспекті діалогу культур (на прикладі російсько-німецьких відносин) / Г. О. Гірфанова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2014. – Т. 27 (66), – № 1. – С. 35-41.

У статті, на основі різноманітного фактичного матеріалу, доводиться, що мистецтво це найбільш цікава та продуктивна сфера аналізу діалогу. Останній розглянуто як одна з форм існування культури. Підкреслюється специфіка музичного мистецтва в даній темі.

Ключові слова: культура, діалог, М. Бахтін, мистецтво, музика, Росія, Німеччина.

Girfanova A. The art representativeness in cultures aspects (on example of Russian-German relations) / A. Girfanova // Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. – Series: Philosophy. Culturology. Political science. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66), – No 1. – P. 35-41.

The article gathers the examples of contacts between Russia and Germany in various fields, marks the historic borders and political facts. Their analysis shows that the art is the most perspective direction to research the dialogical relations between the countries. It shows the process of cultural interaction on examples of real historical figures' life and creativity. The Russian cultural workers in Germany and German cultural workers in Russia formed the "place of meeting" of two ethnically diverse cultures. It is fixed with personal acquaintances, correspondence, memoirs, archival documents, etc.

The collected material also lets say that music is the most representative for studying the dialog of cultures in comparison with other forms of art. It forms its own multi-level dialog thanks to the specifics: composition, performance, interpretation, listening, analyzing, etc. of musical works.

Thus, the scope of art illustrates the approval of M. Bakhtin about dialogue's incompleteness considers by us as a form of culture existence.

Keywords: culture, dialogue, M. Bahtin, art, music, Russia, German.